

А. Х. Юлгушева

РОД БАНŪ ҲАДЖЖАДЖ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АЛ-АНДАЛУСА

В правление омейядского халифа Хишāма ибн ‘Абд ал-Малика (723–743) из ал-Андалуса, самой западной провинции Арабского Халифата, в столичный город Дамаск направилась внучка вестготского короля Витицы Сара. Она предприняла это путешествие, чтобы обратиться к халифу с просьбой принять меры против незаконного посягательства одного из ее дядьев на имущество, доставшееся ей от ее отца Алмунда. Халиф согласился ей помочь и написал письмо тогдашнему наместнику Ифрйкийи Ҳанзале б. Ҷафвāну ал-Калбӣ, в котором содержался приказ обязать наместника ал-Андалуса, пост которого занимал в ту пору Абӯ-л-Ҳаттār ал-Калбӣ, обеспечить сохранность имущества просительницы. Кроме того, халиф устроил замужество Сары с одним из своих *мавлā* по имени ‘Исā б. Музāхим берберского или персидского происхождения. Итак, просьба Сары была удовлетворена, и она вместе с мужем вернулась в Севилью. Стоит отметить, что во время аудиенции у халифа Хишāма Сара познакомилась с юным ‘Абд ар-Рахмāном, будущим основателем испанской ветви династии Омейядов [1, р. 4–6; 2, р. 50–51].

От брака Сары с ‘Йсой произошел род сыновей Готянки — банӯ-л-Қўтиййа, к которому принадлежал историк Муҳаммад б. ‘Умар б. ‘Абд ал-‘Азиз б. Ибрāхӣм б. ‘Исā, известный как Ибн ал-Қўтиййа, который поведал нам об этих событиях в своем сочинении «Та’рих ифтитаҳ ал-Андалус».

После смерти ‘Йсы на руку Сары претендовали два кандидата, одного из которых, ‘Умайра б. Са’йда ал-Лаҳми, севильского араба, принадлежавшего к южноарабскому племени лаҳм, поддержал сам ‘Абд ар-Рахмāн, к тому времени уже прибывший в ал-Андалус. От этого брака произошли несколько арабских родов Севильи, в числе которых банӯ Саййид, банӯ Маслама, а также банӯ Ҳаджжāдж, которым довелось сыграть заметную роль в политической истории ал-Андалуса [1, р. 6; 3, р. 136].

Во внутривосточное противоборство банӯ Ҳаджжāдж активно включились в правление седьмого омейядского эмира ‘Абдаллāха (888–912). Слывшие до сих пор верными подданными Омейядов, банӯ Ҳаджжāдж пополнили в этот период ряды многочисленных бунтовщиков и подняли знамя *фитны*.

Московский арабист Д. Е. Мишин характеризует серию мятежей конца IX — начала X в. как «одно из наиболее интересных и драматических явлений в истории страны, которое по масштабам и длительности вполне заслуживает того, чтобы называться гражданской войной» [4, с. 179].

«Выдвинуть для такого сложного, многогранного и неоднозначного явления, как андалусская *фитна*, единую, объясняющую все интерпретацию вряд ли возможно» [4, с. 183]. Некоторые исследователи считают решающим фактором, обусловившим подобное распространение мятежных настроений, слабость преемников Ҳакама I. Ҳусайн Му’нис в статье, посвященной ‘Абд ар-Рахмāну III ан-НаҶиру, замечает, что

эти тенденции были просто «проявлениями процесса распада королевств и империй, процессом нормальным и универсальным в те времена» [5, р. 242].

К тому же дополнительным фактором, усиливавшим феодальную раздробленность в регионе, стало привнесение на андалусскую почву арабского межплеменного противостояния, примером чему может послужить аднанитско-кахтанитский конфликт, проявившийся во внутривосточной борьбе и оказавший заметное влияние на политическую историю страны.

К концу IX в. ал-Андалус представлял из себя «мозаику мелких полунезависимых государств, которые тесно окружали Кордову с запада, севера и востока. Самым главным для эмира было предотвращение того, чтобы эти многочисленные феодальные владения, которые находились в собственности арабов, берберов или мувалладов, объединились против него. Он прекрасно понимал, что коалиция его противников станет для него фатальной» [6, р. 268].

Однако эмир мог не опасаться такого развития событий. Это было исключено: во-первых, противниками эмира двигали разные цели, во-вторых, среди самих его противников были непримиримые враги, принадлежавшие к враждующим группировкам. И даже если история и являла нам случаи подобных союзов и объединений, они носили временный характер и являлись скорее исключением, нежели правилом.

Естественно, что охватившая страну смута отрицательным образом сказывалась на размере поступавших в государственную казну налогов: как сообщает Ибн Халдун, увеличение числа восставших привело к уменьшению *харādжа* по причине отказа от его уплаты [7, с. 288]. В свою очередь недостаток средств приводил к растущей неспособности поставить достаточное количество сил, необходимое для борьбы с мятежниками [5, р. 243]. То же самое часто происходило во всей средневековой Европе, как и в христианских королевствах Испании.

О возникновении *фитны* в округе Севильи известный историк Ибн Хаййан в своем сочинении «Китāб ал-Муқтабис фи та'рих риджāl ал-Андалус» рассказывает следующее [8, р. 68–70].

Первым из тех, кто проявил неподчинение эмиру и стал склонять жителей Севильи к послушанию был Курайб б. 'Усман б. Халдун. Его союзниками стали Сулайман б. Мухаммад б. 'Абд ал-Малик, восставший в Шазуне, 'Усман б. 'Амрун, восставший в Лабле, а также Джунайд б. Вахб ал-Қармун из берберов племени баранис. На стороне Курайба были йемениты, представители южноаравийского племени хадрамаут [9], к которому принадлежал он сам. Когда о союзе Курайба и его товарищей стало известно, против них объединились вместе клиенты (*мавалӣ*), муваллады и арабы-мудариты, ввиду аднанитско-кахтанитского противостояния, к ним примкнули также берберы племени бутр. На их фоне выделялись те, кто оставался верен Омейядам и не входил ни в одну из этих двух группировок: ими были курайшиты и их клиенты из арабов и берберов. Курайб и его союзники не осмеливались противоречить им, однако сердца людей уже исполнились ожиданием чего-то недоброго. Когда же стала очевидной для Курайба и его сторонников невозможность осуществления их планов в отношении Севильи, Курайб покинул город, вернувшись в свое имение в Алхарафе, где стал привлекать на свою сторону местных жителей, большинство которых составляли его соплеменники. В то же время союзники Курайба направляли своих послов к берберам, призывая их к нападению на Севилью, прельщая большим количеством добычи и незначительной способностью ее к обороне [8, р. 68–69].

Последствия не заставили себя ждать: мятежники окружили севильский дворец. Случившееся сражение не привело к каким-нибудь значительным последствиям для оставшихся, однако стала очевидной слабость правителя, что еще более воодушевило бунтовщиков [8, p. 69–70].

Далее события разворачивались следующим образом. На дороге между Кордовой и Севильей стал промышлять разбоем человек из берберов Кармоны, известный под именем ат-Тамашика. Тогда некий Мухаммад б. Ғалиб попросил эмира о разрешении возвести крепость на пути разбойника, и эмир согласился. Собрались в той крепости берберы, клиенты и муваллады со всех областей. Арабы из бану Халдун и бану Хаджжәдз позавидовали Мухаммаду и, выждав удобный момент, завязали с ним войну. В ходе столкновения был убит представитель рода бану Хаджжәдз, ‘амилу же Севильи сообщили, что он был убит Ибн Ғалибом по дороге в Кордову. ‘Амил не стал принимать никаких решений и уведомил о случившемся эмира, чтобы тот разрешил ситуацию [8, p. 70].

Тем временем севильские арабы обвинили Мухаммада б. Ғалиба в лицемерии, вменив ему тайный сговор с Ибн Хәфсуну. ‘Амил Севильи был снят со своей должности, а на его место поставлен Умайя б. ‘Абд ал-Ғәфир, который отправился в Севилью вместе с сыном эмира [8, p. 79–71].

Прибыв в Севилью, Мухаммад б. ‘Абдалләх позвал Мухаммада б. Ғалиба присутствовать на его *маджлисе* и свел его вместе с бану Хаджжәдз, обвинявшими того в пролитии крови их сородича. Однако в результате подобной очной ставки, сопровождавшейся показаниями свидетелей с обеих сторон, дело еще более запуталось, и решения принято не было [8, p. 71]. Бану Хаджжәдз вернулись в свои владения в Сенедде, большую часть жителей которого составляли их соплеменники, представители южно-арабского племени лахм. Курайб ушел в свои земли в Алхарафе, значительную часть населения которого, как известно, составляли потомки оседлого населения Хадрамота. Там же находились и его союзники — братья Сулайман и Джунайд ал-Қармунӣ, которые вскоре вместе с ‘Абдалләхом б. Хаджжәджем пошли на Кармону и заняли ее, выдворив оттуда ее ‘амила [8, p. 71–72].

Когда известия об этом достигли сына эмира ‘Абдалләха Мухаммада, он сообщил о произошедшем отцу, и тот собрал своих министров на совет по поводу Севильи. Мнения разделились: некоторые посоветовали убить Мухаммада б. Ғалиба, чтобы удовлетворить арабов. Так и было сделано: по приказу военачальника Джа‘ду б. ‘Абд ал-Ғәфира, брата Умайи, Мухаммад б. Ғалиб был убит, крепость его была разрушена, а все, кто в ней были, покинули ее. И только тогда ‘Абдалләх б. Хаджжәдз вышел из Кармоны и сдал ее [8, p. 72–73].

Разумеется, это привело в негодование сторонников Мухаммада б. Ғалиба, и тогда собрались клиенты и муваллады и прибыли к воротам правителя, чтобы разобраться в деле Мухаммада, в его смерти и его предательстве. Муваллады, на помощь которым пришли их союзники — мудариты и берберы племени бутр, пошли на дом ‘амила города Умайи, который приходился братом Джа‘ду, однако тот спасся бегством, скрывшись в севильском дворце. Вскоре на подмогу прибыл Джа‘д, и муваллады были повержены, понеся большие потери [8, p. 73–75].

Через некоторое время эмир ‘Абдалләх отозвал своего сына Мухаммада из Севильи в Кордову, и Умайя остался один. Он предпринял попытку приблизить арабских лидеров Курайба и ‘Абдалләха, вернув их обратно в город. Было объявлено, что все,

что произошло с мувалладами, было сделано ради них, и что Умайя добивается их благорасположения. Однако они уже прониклись вкусом *фитны* и в скором времени оставили Умайю [8, р. 76].

Тем временем Умайя начал плести интриги и сеять смуту между ‘Абдаллахом б. Хаджжәджем и Ибн Вахбом ал-Қармұннӣ, который вместе с ‘Абдаллахом разделял управление Кармоной. Вскоре Ибн Вахб напал на ‘Абдаллаха, захватил его имущество, пленил его людей, убил его, а голову послал Умайе [8, р. 76].

Новым лидером бану Хаджжәдж вместо ‘Абдаллаха стал его брат Ибрәхїм. Естественно, семья убитого затаила злобу на Умайю, а бану Халдұн поддержали их в этом. Они отправили Умайе гневное послание, в ответ на которое тот написал, что город принадлежит эмиру, сам он — ‘*амил* его, а им следует проявлять послушание, хотя они того или нет. За этим последовало столкновение: Умайя был к нему подготовлен, и его противникам пришлось прекратить борьбу. Бану Хаджжәдж вместе с бану Халдұн покорились, однако Умайя принял их подчинение только после того, как взял из их числа заложников и поместил их в свою тюрьму [8, р. 77].

Дождавшись удобного момента, йемениты окружили дворец Умайи. Когда же тот начал обезглавливать заложников, они взмолились, призывая его остановиться и обещаая мир. Умайя потребовал от Ибрәхїма, Курайба и их людей, чтобы те поклялись ему пятьдесят раз, и тогда он успокоился и отпустил заложников. Когда же те вышли, то Ибрәхїм и Курайб снова нарушили договор и опять вступили в бой. Умайя был осажден в своем дворце, был вынужден покинуть его и погиб, сражаясь с противниками [8, р. 77–78].

Йемениты завладели городом и написали эмиру, что Умайя проявил послушание, и что случилось в городе то, что насторожило их и напугало, следствием чего явилось произошедшее столкновение. Теперь Умайя свергнут и убит, а они находятся в подчинении у эмира и просят, чтобы тот направил к ним в Севилью нового ‘*амила*.

Однако мятежный дух не покидал арабов. Для того, чтобы держать происходящие события под контролем, бану Халдұн даже склонили на свою сторону секретаря (*кәтиба*) ‘*амила* по имени Сахнұн, который стал их «глазами», доводя до их сведения содержание переписки, происходившей между ‘*амилем* и эмиром, а на дорогах у них были расставлены доносчики и соглядатаи [8, р. 79].

Однажды по поручению эмира стало собираться войско в Севилье, жителей которой призывали выступить в поход, как предполагалось, на восток. В это время со своими людьми вышли Ибрәхїм и Хәлид, из Шазұны к ним подошел их товарищ Сулаймән и его брат Маслама со своими людьми, и все направились в сторону Кордовы. Но тут войско под предводительством сына эмира ал-Мутаррифа, которому эмир ‘Абдаллах поручил командование, двинулось в западном направлении на Севилью. Когда узнали об этом Ибн Хаджжәдж и его товарищи, их планы нарушились. Сулаймән успел бежать, а остальных ал-Мутарриф приказал арестовать. В кордовское заключение попали Ибрәхїм, Хәлид, Маслама и Сулаймән, войско их было разгромлено, заключенные были подвергнуты пыткам [8, р. 79–80, 113; 10, р. 128].

«Когда же увеличилась сила непокорного Ибн Хәфсұна», некоторые министры эмира ‘Абдаллаха указали на необходимость освобождения заключенных. Эмир рассудил, что они могли бы препятствовать дальнейшему продвижению Ибн Хәфсұна [8, р. 82]. Одной из причин освобождения мятежников называют также наступление времени сбора налогов [8, р. 79–80, 113–114; 10, р. 128]. Заключенные были отпущены на свободу

после того, как каждый из них поклялся в соборной мечети Кордовы пятьдесят раз, что не выйдет из подчинения правителю. Ибрәхйим оставил в Кордове в качестве заложника своего сына 'Абд ар-Рахмāна. Но как только освобожденные вернулись к себе, они вновь восстали против эмира, отказавшись к тому же и от уплаты налогов [8, р. 82].

Ибрәхйим и Курайб распределили округ Севильи между собой. Однако между ними уже появились противоречия, возникновению которых способствовал сам эмир, решивший настроить их друг против друга [8, р. 82; 10, р. 128].

Однажды Хāлид, брат Курайба, написал эмиру послание, настраивая его против Ибрәхйима и сообщая, «что тот у них в руках» [10, р. 128]. Об этом стало известно Ибрәхйиму. Для того, чтобы разобраться в ситуации он устроил прием, позвав Курайба и Хāлида. В результате произошедшей ссоры оба брата были убиты [10, р. 128–129].

Ибрәхйиму подчинились все жители соседнего с Севильей округа, он уведомил эмира о случившемся, оправдываясь за содеянное, и сказал, что сам он теперь находится в подчинении эмиру и просит у него руководства Севильей [8, р. 82; 10, р. 129]. Эмир ответил на это согласием, санкционировав, таким образом, единоличное правление Ибрәхйима Севильей.

Несмотря на это, сын Ибрәхйима 'Абд ар-Рахмāн все еще оставался в кордовском заключении. Никакие просьбы и уговоры эмира не приводили к результатам [6, р. 266].

Когда в 900 г. Ибн Хāфсун предложил Ибрәхйиму союз, тот поддержал предводителя мувалладов, снабдив его средствами и людьми в отместку эмиру.

В следующем году между Кордовой и Бобастро, крепостью-столицей мятежника Ибн Хāфсұна, «воцарилось эфемерное перемирие», однако оно было нарушено уже в 902 г. В последовавшем за этим сражением укрепленные корпусом севильской кавалерии войска Ибн Хāфсұна были разбиты; его заложников эмир приказал казнить [6, р. 266]. С севильским же правителем эмир примирился и отпустил его сына на свободу, и тогда Ибрәхйим вернулся к подчинению [8, р. 83; 10, р. 129–130; 6, р. 290].

Ибрәхйим б. Хāджжāдж превратил Севилью и прилегающие области в полунезависимое княжество [11, р. 31–32]. Он набрал себе войско, которому определил жалованье, как это обычно делал эмир, собрав в его рядах 500 всадников. В Кордове у него были свои люди, которые осведомляли его о том, что происходит при дворе правителя. В Севилье у Ибрәхйима был собственный судья-қāдй, градоначальник — *сāхйиб мадйна*; в городе работала текстильная мастерская, носившая его имя [10, р. 132; 12, р. 109]. Под контролем Ибрәхйима также была Кармона. Его воспевали поэты, был он любителем диковинок: упоминают, что однажды, услышав о багдадской певице-невольнице Қамар, он направил значительные средства на Восток на ее приобретение [8, р. 11–12; 10, р. 130–132].

Когда Ибрәхйим умер, два его сына 'Абд ар-Рахмāн и Муҳаммад разделили власть над регионом. 'Абд ар-Рахмāн стал руководить Севильей, Муҳаммад, который был градоначальником Кармоны еще при жизни отца, остался там и после его смерти. Он завидовал 'Абд ар-Рахмāну, которому досталась лучшая доля, и интриговал против своего брата, который умер в 913 г., отравленный невольницей. Однако это ни к чему не привело: в Севилье Муҳаммад так и не утвердился.

В 913 г. эмир 'Абд ар-Рахмāн ан-Нāсир взял Севилью. Сложившиеся обстоятельства способствовали возвращению Севильи под власть эмира [6, р. 290].

После смерти 'Абд ар-Рахмāна жители Севильи договорились избрать себе руководителем Ахмада, племянника Ибрәхйима, сына его брата Масламы, и решили не при-

нимать брата 'Абд ар-Рахмāна Мухаммада, *сāхиба* Кармоны, вступив в противоборство с ним и его сторонниками. В этих обстоятельствах центральное правительство отдало приказ войскам осадить Севилью, а управление операцией поручить правителю Кармоны, предоставив ему в помощники Қасима б. ал-Валида, занимавшего должность начальника стражи (*сāхиб аш-шурта*), у которого были дружеские отношения с Мухаммадом. Они вместе двинулись по направлению к Севилье и завладели близлежащими областями [10, р. 133; 6, р. 290].

Ахмад был «взят за горло» [10, р. 133], у него не оставалось выбора, и он попросил помощи у «величайшего мятежника ал-Андалуса» Ибн Хāфсūна [13, р. 5], который, отвлекшись от своих дел, пересек Гвадалквивир, придя на помощь своему новому союзнику [6, р. 290].

Однако итоги сражения сложились не в пользу Ибн Хāфсūна: он был разбит и поспешил вернуться в свою крепость в Бобастро. Предоставленный только своим силам, Ахмад заключил мир с ан-Нāсиром, сообщив ему, что готов сдать Севилью. Хāджиб эмира Бадр принял владение городом и подготовил торжественный въезд правителя 21 декабря 913 г. [6, р. 291]. Так 'Абд ар-Рахмāн ан-Нāсир завладел Севильей без кровопролития и убийств [10, р. 134].

Эта новость огорчила Мухаммада: он вышел из Кармоны с войском и, достигнув Севильи, нанес удар. В разразившемся сражении Мухаммад был побежден и вернулся в Кармону. Когда эмир узнал об этом, то направил войско в поддержку новому 'амилу Севильи, а также отправил Қасима б. ал-Валида к Мухаммаду, чтобы тот уговорил его вернуться в подчинение [10, р. 134–135].

Мухаммад понял, что «эпоха государств в государстве» [6, р. 291] закончилась. В апреле 914 г. он объявил о своем подчинении Кордове. Эмир предоставил ему титул и доход визиря и просил сопровождать в предстоящем походе. В июне того же года, по возвращении из похода, прибыв в Кармону, эмир обнаружил, что губернатор города Хāбиб б. 'Умар, назначенный эмиром, восстал. Вскоре до эмира дошли сведения о том, что восстание это было согласовано с Мухаммадом [6, р. 291]. «И оклеветал его перед ан-Нāсиром тот, кто завидовал ему, сказав, что Ибн 'Умар и Мухаммад лицемеры... Тогда эмир сместил Мухаммада с поста визиря и заключил его в тюрьму, а с ним и Ибн ал-Валида, *сāхиб аш-шурта*...» Затем оба были освобождены [10, р. 134–135].

Мухаммад б. Ибрāхīm умер в апреле 915 г., Кармона была взята штурмом только 25 сентября 917 г. Мятежник-губернатор был доставлен в Кордову, заключен в тюрьму вместе с двумя сыновьями и казнен два года спустя [6, р. 291].

Так завершилась история рода банū Хāджжāдж, которые наряду с родом банū Хāлдūн были представителями йеменитских кланов, внесших значительную роль в политическую историю ал-Андалуса. Эти два арабских рода взяли верх после победы арабов в борьбе с мувалладами в 899 г., явившись зачинщиками произошедшего конфликта. После ссоры этих родов между собой глава одного из них, Ибрāхīm б. Хāджжāдж, стал фактически полунезависимым правителем области, признанным эмиром и со временем передавшим свою власть сыновьям [14, с. 45].

Правление бану Хāджжāдж Севильей длилось с 899 по 913 г. Новый эмир ал-Андалуса 'Абд ар-Рахмāн III ан-Нāсир восстановил авторитет центральной власти, положив конец политическому расколу [15, р. 684].

Смута, царившая в ал-Андалусе в те времена, была универсальным явлением, характерным как для мусульманского, так и для христианского мира. В андалусской

фитне принимали активное участие представители различных этнокультурных и профессиональных групп: арабы, берберы, муваллады, мусульмане и христиане. Все они, преследуя каждый свои собственные цели, влились в стремительный круговорот *фитны*. Противоречия, которые были между мятежниками, прежде всего различие их целей, не позволяли им объединить свои усилия, направив их в единое русло. Разумеется, свой вклад в развитие описываемых событий внесла и аднанитско-кахтанитская конфронтация, которая, хотя уже и утратила свой прежний размах, все же периодически напоминала о своем существовании. Мы можем увидеть ее признаки как в том, что представители определенного племени откликались на призыв своего вождя, так и в том, что на основе этого разделения осуществлялось формирование коалиции союзников. Недаром Э. Леви-Провансаль называет мударитов «естественными врагами» йеменитов, сообщая о том, что те не замедлили прийти на помощь мувалладам, когда между ними и йеменитами произошел конфликт [6, p. 255]. Однако приверженность *'асабийи* не давала абсолютного единения членов племени или рода, и внутри них часто случались размолвки, как это хорошо видно на примере конфликта между представителями йеменитских родов бану Хаджжадж и бану Халдун, пусть даже и принадлежавших к разным племенам, однако все же являвшихся кахтанитами. Впоследствии разногласия возникли и внутри самого рода бану Хаджжадж. На основе описанных событий можно сделать вывод о том, что хотя аднанитско-кахтанитский конфликт в то время еще и продолжал играть роль объединяющего и разделяющего фактора, он уже не служил непосредственным стимулом к возникновению столкновений. Теперь на фоне многочисленных противоречий, разногласий и претензий, которые предъявляли друг другу различные группировки, аднанитско-кахтанитский конфликт стал просто еще одним проявлением центробежных тенденций наряду с другими, утратив роль фактора, определяющего ход исторических событий.

Литература

1. Abenalcotía el Cordobés. Historia de la conquista de España. Madrid: Ribadaneira, 1868.
2. James D. Early Islamic Spain. The History of Ibn al-Qutiya. NY: Routledge, 2009 (Culture and Civilization in the Middle East).
3. Valencia R. Islamic Seville: Its Political, Social and Cultural History // The Legacy of Muslim Spain / ed. Salma Khadra Jayyusi. Leiden: E. J. Brill, 1994 (Project of translation from Arabic (PROTA)). P. 136–148.
4. Мишин Д. Е. Новое в историографии мусульманской Испании: дискуссия о характере и движущих силах гражданской войны конца IX — начала X в. // Восток. 2002. №1. С. 179–184.
5. Monés H. 'Abd al-Rahman III y su papel en la historia de España // Revista del Instituto de estudios islámicos en Madrid. Vols. IX y X. Madrid, 1961–1962. P. 233–253.
6. Lévi-Provençal É. Histoire de l'Espagne musulmane. T. I. Le Caire: L'Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1944 (Études historiques).
7. Ибн Халдун. Китāб ал-'ибар... Т. IV. Харисса: Дār ал-кутуб ал-лубнāни, 1958.
8. Ibn Haiyān. Al-Muḳtabis. Vol. III: Chronique du règne du calife umayyade 'Abd Allāh à Cordoue. Texte arabe / Le P. Melchor M. Antuña, O. S. A. Paris: Librairie orientaliste, 1937 (Textes arabes relatifs à l'histoire de l'Occident musulman. Publiés sous la direction de E. Lévi-Provençal).
9. Французов С. А. Этнорелигиозная ситуация в Хадрамауте в VI–VII вв. // Труды Советско-йеменской комплексной экспедиции. Т. I. Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования ... М.: ГРВЛ, 1995. С. 314–329.

10. *Ibn-Adhári (de Maroc)*. Histoire de l'Afrique et de l'Espagne, intitulée Al-Bayáno l-Mogrib, par Ibn-Adhári (de Maroc), et fragments de la chronique d'Aríb (de Cordoue). Vol. II / Publiés par R. P. A. Dozy. Leyde: E. J. Brill, 1849–1851 (Ouvrages arabes).

11. *Makki Mahmoud*. The political history of al-Andalus 92/711–897/1492 // The Legacy of Muslim Spain / ed. Salma Khadra Jayyusi. Leiden: E. J. Brill, 1994 (Project of translation from Arabic (PROTA)). P. 3–87.

12. *Imamuddin S. M.* Some Aspects of the Socio-Economic and Cultural History of Muslim Spain. 711–1492 A. D. Leiden: E. J. Brill, 1965 (Medieval Iberian Peninsula. Texts and studies (MIP) Vol. II).

13. *Enan Mohammad Abdullah*. Ibn Khaldun. His Life and Works. New Delhi: Kitab Bhavan, 1997.

14. *Yomn Y. M., Какиа П.* Мусульманская Испания. М.: Наука, 1976.

15. *Guichard P.* The social history of Muslim Spain from the conquest to the end of the Almohad regime (early 2nd/8th — early 7th/13th centuries) // The Legacy of Muslim Spain / ed. Salma Khadra Jayyusi. Leiden: E. J. Brill, 1994 (Project of translation from Arabic (PROTA)). P. 679–708.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.